

ПОДАРОК ЯБЛОНИ

Однажды, тусклым октябрьским днём, я шёл по знакомой лесной тропинке. Погода стояла хмурая. Северный ветер шумел в облетающих кронах деревьев, стряхивал листья, и они, сорвавшись, долго, словно нехотя летели вниз, ложились на тропинку, на всё ещё зеленевшую траву, на низенькие молодые ёлочки, сплошь покрытые жёлтым нарядом из опавшей листвы. Обнажаясь, лес светлел, становился прозрачней, глубже, открывал доселе невидимые свои пространства, заваленные буреломом, пронизанные буйными порослями ольхи и черёмухи, перекрытые неровными частоколами из тоненьких берёзок, осинки и рябин.

Всё вокруг было буро-коричневым, мокрым и тёмным, даже в редющей желтизне сквозил какой-то свой особенный буроватый оттенок. И вдруг слева от меня мелькнуло ярко-красное пятно, как будто зарево ранней вечерней зари просочилось сквозь сумрачную чашу. Но до вечера было ещё далеко, да и небо всё сплошь закрывали многослойные серые тучи.

Я остановился, всматриваясь в заросли, и, приглядевшись, заметил шагах в тридцати от тропинки раскидистую яблоню, густо усыпанную крупными красными плодами. Откуда взялась она среди леса? Удивлённый, я направился к ней, перешагивая через обломки веток и стараясь не наступать на серые шляпки грибов-рядовок, торчавшие из-под пожухшей травы.

Издали яблоня показалась мне довольно высокой, но, приблизившись, я обнаружил, что ствол её сломан, вывихнут и чёрен изнутри. Старые толстые ветви лежали на земле, голые, будто корни, наполовину скрытые накопившимся перегноем. От них тянулось множество молодых побегов, щеголявших сочной, зелёной листвой. Нижние ветви, оказавшиеся теперь наверху, составляли основу полукруглой, вытянутой кроны.

Яблок было великое множество. Они краснели на фоне серых туч, яркие, крепкие, ещё не тронутые морозами. Их влажноватые бока отливали чуть заметным блеском, и стоило ветру прикоснуться к ним, как они начинали мерцать, облитые призрачным светом пасмурного неба.

Я протянул руку, легонько дотронулся до одного из яблок. От этого лёгкого прикосновения оно сейчас же отвалилось от ветки и легло в мою ладонь, обдав её приятным, свежим холодком. Пройдёт несколько дней, ударят первые заморозки, и яблоки опадут, скроются

под снегом. А когда застелются метели, затрещит декабрьская стужа, то случись поблизости мышь, заяц или белка, глядишь, и полакомятся промёрзшими паданцами, хранящимися под толщей сугробов. А весной не останется от яблок и следа.

Что же сломало старое дерево: ветер, снег, слишком обильный урожай, вроде нынешнего? Сколько лет оно растёт здесь, забытое людьми? Ни жилья поблизости, ни лесной сторожки, только чуть поодаль я обнаружил остатки каменного фундамента. Когда-то давно здесь, наверное, жил человек, посадивший яблоню. Но теперь его нет, нет его дома, а яблоня всё растёт, сломанная, покалеченная стихией и временем, и всё-таки продолжающая плодоносить. В этом - суть её жизни, её предназначение: живительные соки земли упрямо поднимаются по искорёженному стволу, рождая всё новые и новые урожаи.

Не таково ли и назначение человека - родиться, расти, а повзрослев – приносить плоды? Возможно, именно эта неожиданно возникшая потребность не только брать, но и отдавать, служит признаком человеческой зрелости: самое дорогое и важное из того, что делают люди, делается бескорыстно. Если трудишься, не думая о награде, наградой становится сама жизнь, приобретающая полноту, и ясность, и счастье. И пусть порою скромны и незаметны результаты подобных трудов, но они, больше чем что бы то ни было другое, приближают нас к простому, до крайности очевидному и всё же редкому осознанию собственной человечности, живущей в нас не вопреки природе, а в полном соответствии с ней.

Я снова шагал по знакомой лесной тропинке. В моём кармане лежало большое нагретое яблоко, подарок старой яблони, напомнившей мне о том, что гордость и смирение не обязательно противоречат друг другу, а соединившись вместе, становятся свойством чего-то непобедимого.

Октябрь 2016.